

Журан и сыска - 1993 - 1-8 апр. [12] - с. 14-15

МЮЛЛЕР НАМЕРЕН РАСКРЫТЬ

Легендарность самой знаменитой роли этого актера сопоставима только с легендарностью Чапаева и Петьки, хотя была отнюдь не положительной роль шефа гестапо. Но в том-то и дело, что Леонид Броневой (а также Олег Табаков, сыгравший обаятельного начальника гитлеровской контрразведки Вальтера Шелленберга) нарушил заповедь соцреалистического кино: делать «образ врага» как можно более отвратительным. В его исполнении глава гитлеровской полиции был спокоен, умен, ироничен, располагал к себе и если причинял кому-то зло (например, отдавал врага рейха для обработки своим подручным костоломам), то не по садистской наклонности, а по служебной надобности. То есть подпадал под классическое советское определение «порядочного человека», и этой типичностью, доведенной местами до фольклорной чистоты, покорила многомиллионную аудиторию настолько, что вместе со Штирлицем стал персонажем бесчисленных анекдотов.

Узнав, что Леонид Броневой отправляется в США для встреч со своими поклонниками, я отправился к Броневому. Встреча произошла в гримерной Ленкома, где артист в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты» играет роль отставного генерала Крутицкого, разрабатывающего проект «О вреде реформ вообще». В начале разговора произошла накладка: вместо того чтобы включить на магнитофоне «запись», интервьюер включил «воспроизведение».

— Знакомый голос. Кто это? — спросил Броневой голосом Мюллера.

— Сергей Бабурин... — сознался я.

— Не люблю.

— Почему?

— Эта бородка, эта незуитская улыбка мне напоминают диккенсовского Уриу Гиппа.

Может быть, если бы я знал его лично или думал, что его улыбка скрывает смущение, я бы поинтересовался к нему относился. Хотя первое впечатление обычно самое верное. Впрочем, бывают разочарования и здесь.

— Кто же из политиков вас сперва очаровал, а потом разочаровал?

— Гавриил Харитонович Попов. Я с ним тоже незнаком, но нежно его любил. Но вот однажды, отправляясь в Париж, он обещал, что привезет оттуда маленький мусоросжигательный завод. А у меня это большое место с тех пор, как я во время первой моей поездки в Америку увидел мусороуборочную машину. Она тут же сжигала мусор, превращая его в легкий дымок и золу, которую мусорщик доставлял на фабрику зубной пасты в качестве сырья. И я ждал этого

завода два года, и говорил жене: «Наверно, еще месяц, еще два...» Но Попов подал в отставку, завода нет, свалки остались.

— Попов ведь писал о спектакле «На всякого мудреца...».

— Он написал прекрасную политическую рецензию. Не обо мне и не о моей роли, хотя и о ней там было несколько слов. А о том, как молодой человек решил всех обмануть и влезть наверх. Он думал, что ему это удалось, что он прорвался. Но это была ошибка. Они оказались умнее и сильнее его. Они его раскусили сразу, но решили, что такие люди им нужны. И подпустили его к тарелке с супом. А когда он поднес ложку ко рту, его вырвало. Не стояла эта жратва ни тех сил, ни того времени, которые были потрачены на ее добычу. Но уже поздно. И как родился он с голым задом, так с голым задом и померет — как и все мы.

— По Броневому, который переложил Попова, который интерпретировал Захарова, который поставил Островского, первый акт этой комедии смахивает на карьеру Горбачева, хотя вопрос, кто кого провел — он номенклатуру или она его — остается открытым. Вообще г-н Попов — мастер истолковывать произведение искусства в политическом смысле. Это же он из романа Александра Бека «Новое

КАРТЫ, НО БРОНЕВОЙ МОЛЧИТ

назначение» вывел необходимость перестройки.

— А вот с заводиком оплошал. Хотя, повторяю, я с ним незнаком и суждение мое может быть поверхностным.

— Но так и судят о политиках миллионы людей, и вряд ли они могут или должны судить иначе, чем по облику, манерам и исполнению обещаний. Ведь и актеров судят не по тому, каковы они в личной жизни, а по тому, как они играют свои роли. Кстати, вы оцениваете политиков по степени актерского мастерства?

— Конечно. И вижу, что здесь, как и везде, очень мало талантов. Хотя больше я ценю безыскусность и искренность. Вот недавно у Горбачева во время телебеседы ведущий спросил, правда ли, что Раиса Максимовна в больнице. Смотрю — у него на глазах слезы, у моей жены слезы. Я увидел искреннего, незащищенного человека. И многое могу ему простить за это. Говорю об этом еще и потому, что не терплю нашу российскую манеру раболепствовать перед человеком, пока он у власти, и кусать, как только он отойдет от нее. В США, я слышал, все наоборот — президента принято критиковать, пока он в Белом доме, а задевать его, когда закончился его срок, считается дурным тоном.

— Кажется, Горбачев будет последним руководителем, с ко-

торым так поступают: трудно представить себе, что Ельцина можно выругать больше, чем его уже ругают.

— Будем надеяться. Но, может, хватит о политике? В конце концов, я только беспартийный актер, который не может собраться в Америку без того, чтобы об этом не узнала пресса.

— Вам не нравится огласка?

— Это палка о двух концах. Мне ведь, естественно, хочется, чтобы ко мне пришло побольше людей. Для этого надо, чтобы они не только хотели встретиться с популярным артистом, а рассчитывали увидеть и услышать нечто новое. А если вы из меня сейчас вытащите все, что я знаю, зачем им идти?

— Леонид Сергеевич, кто из нас Мюллер, я или вы?

— В настоящий момент, конечно, вы. А я не партизан, чтобы молчать на допросе.

— Предлагаю договориться: вы меня приглашаете на ближайший спектакль, а я не раскрываю всех ваших карт.

— Вы их уже раскрываете. Дело в том, что афиша, которую подготовил мой импресарио, называется «Мюллер раскрывает карты», и там нарисованы шесть открытых и одна закрытая карта...

— ...на которой содержится ответ на вопрос: «Мюллер, вы еврей?»

— Вот этого я вам никогда

не скажу. Приберегу для моих американских слушателей.

— Сдаюсь. Кто вас пригласил в США?

— Президент бостонской компании «БИС» Иммануил Глейзер, который с декабря ведет со мной переговоры. Я подготовил разговорную программу минут на сорок и на столько же музыкальную.

— Как, вы играете не только на сцене, но и на рояле?

— Не только играю, но и пою.

— Карт у вас семь, а песен сколько?

— Двенадцать. Причем есть кассеты, где я их исполняю с оркестром. Довоенные, военные, послевоенные. Высоцкого, Галича.

— «Но Штирлиц разгадал коварный замысел Мюллера». Когда начинаются ваши гастроли?

— В Канаде 27 марта в Торонто, а в Америке 28-го в Чикаго, где я был три года назад. И знаете, что меня тогда огорчило? Я думал, что только при тоталитаризме культура на последнем месте, а в демократической стране государство должно отпускать на это средства. Оказалось же, что и там молодые одаренные артисты либо получают символическую плату, либо вообще ничего не получают за свою актерскую работу. С одной стороны, я расстроился, а с другой — успокоился: значит, не у нас одних молодые студии вла-

чат нищенское существование. Хотя это не украшает ни Америку, ни Россию.

— Но артисты всегда жили либо на сборы от публики, либо на средства меценатов. При социализме меценатом выступало государство, которое выплачивало театрам содержание независимо от их прибыльности или убыточности. Но за это взимало идеологическую плату. И некоторые ваши коллеги считают, что не искусство требует жертв, а государственное обеспечение стоит того, чтобы ему жертвовали искусством.

— Я не из их числа. Уж лучше побираться, чем выслушивать все эти «Низзя!!!»

— А приходилось?

— Кому же не приходилось? Напулетт, которого я играл в «Ромео и Джульетте», произносит фразу: «Вы будете свидетелем веселья, подобного разливу вод в апреле». Приемная комиссия спрашивает у Эфроса, поставившего спектакль: «Что это он такое говорит! Это же намек на день рождения Владимира Ильича Ленина!» Эфрос передает мне. Я говорю: «Это же Шекспир! Они что, с ума сошли?» «Не знаю, — говорит Эфрос, — но меня они точно чуть не свели с ума. Что делать?» «Очень просто, — говорю, — скажем так: «Вы будете свидетелем веселья, подобного разливу вод весенних». Я не хочу обидеть Шекспира, то есть Пастернака, чей

перевод, но так даже лучше — с аллитерацией».

— Скажите, г-н Мюллер, для вас было полной неожиданностью, что вы так полюбите советскому народу — противнику гитлеризма?

— Полной. До этого у нас в стране отрицательные роли никому не приносили успеха. Было твердое разделение — кому что можно, у кого какое лицо. Одно подходит для этой эпохи, оно отражает массовый тип данного времени, а это не отражает, оно враждебное. Это я все прошел. Сначала удивлялся, потом свирепел, потом смирился с тем, что в моем лице нет чего-то, что должно быть для того, чтобы оно было тем, чем должно быть. Да разве это было только со мной? В одну сотую своих возможностей использован был талант Фаины Георгиевны Раневской, величайшей актрисы, равной которой среди женщин вообще не было, а среди мужчин, может быть, только Чарли Чаплин.

— Вы ее хорошо знали?

— ...
— Вы железный человек. «Броневой...» — подумал Штирлиц. Чувствую, что мне пора закругляться. Последний вопрос: чего вы ждете от американских зрителей?

— Чтобы до последнего задавали вопросы!

Беседу вел
Виктор МАТИЗЕН.